

**Аксёненко Е. В.,
Агафонов В. А., Негроров В. В.**

**ЛАЩЕВСКАЯ
Владислава Ивановна**

**Из истории
Воронежской
ботаники**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

при содействии

ВОРОНЕЖСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РУССКОГО БОТАНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. В. Аксёненко, В. А. Агафонов, В. В. Негробов

**ЛАЩЕВСКАЯ ВЛАДИСЛАВА ИВАНОВНА
(ИЗ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ БОТАНИКИ)**

Монография

Воронеж
Цифровая полиграфия
2021

УДК 58 (92)

ББК 28

A42

Рецензенты:

кандидат биологических наук, доцент кафедры экологии, защиты леса и лесного охотоведения Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г. Ф. Морозова *И. И. Корнев*

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института лесной генетики, селекции и биотехнологии *А. М. Кондратьева*

Аксёненко Е. В.

A42 Лащевская Владислава Ивановна (из истории воронежской ботаники): монография / Е. В. Аксёненко, В. А. Агафонов, В. В. Негробов; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Цифровая полиграфия, 2021. – 60 с.

ISBN 978-5-906384-94-2

В книге на основе использования архивных материалов, старых газетных заметок и воспоминаний впервые освещаются страницы биографии воронежского ботаника и фитопатолога, доктора биологических наук, профессора Владиславы Ивановны Лащевской.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки.

В ряде случаев цитируемый текст документов адаптирован согласно современным правилам орфографии и пунктуации, чтобы сделать его более удобным для восприятия. Но частично он сохранен (для ощущения особенностей эпохи).

© Аксёненко Е. В., Агафонов В. А.,
Негробов В. В., 2021

© Воронежский государственный
университет, 2021

Посвящается 100-летию Воронежского отделения Русского ботанического общества (1921–2021)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2018 году Воронежский государственный университет торжественно отпраздновал свой столетний юбилей. За этот вековой период в нем трудилось большое количество выдающихся ученых и педагогов, чьи судьбы сплелись воедино с судьбой университета. Среди таких ученых особое место занимает Владислава Ивановна Лащевская – воронежский ботаник и фитопатолог XX века.

Будучи супругой такого известного и авторитетного в отечественной ботанике ученого как Борис Михайлович Козо-Полянский, Владислава Ивановна Лащевская волею судьбы оказалась в тени славы своего выдающегося мужа. К сожалению, так часто бывает с близкими людьми известных и харизматичных личностей. И чем больше лет проходило после того временного периода, в который они жили и творили, тем более ярко звучало имя профессора Б. М. Козо-Полянского, а имя его супруги все сильнее терялось в ускользающих десятилетиях эпохи.

Но рано или поздно наступает такой момент, когда неумолимое течение бурлящей реки времени вдруг на какой-то миг стихает, и взору открывается удивительная и многогранная картина исторических событий. Ведь по-настоящему талантливые ученые не растворяются в истории бесследно. Остаются их письма, публикации, воспоминания и другие документы, которые ждут своего часа, чтобы поведать миру об этих замечательных личностях. И вот настало такое время, чтобы вспомнить имя Владиславы Ивановны Лащевской и поведать об этом ученом-ботанике миру.

Авторы начали работу над этой книгой еще в 2018 году. И вот наш скромный труд завершен. Безусловно, эта книга не претендует на исключительную полноту, а является лишь первым не-

большим шагом в деле увековечения памяти Владиславы Ивановны Лащевской.

Представленная на суд читателей книга, безусловно, не появилась бы на свет, если бы не помощь многих людей, которых мы, пользуясь возможностью, хотим поблагодарить.

Мы выражаем признательность заведующей Музеем истории ВГУ А. Е. Степониной и главному хранителю А. В. Макаровой; сотрудникам Отдела редких книг Зональной научной библиотеки ВГУ; заведующей Музеем истории ВГПУ Т. Н. Чернобоевой. Также мы очень благодарны нашим коллегам и друзьям, которые на разных этапах работы оказывали нам посильную помощь в поиске нужной информации и поддерживали наш интерес: Г. И. Барабаш, Н. Н. Удоденко, В. С. Листенгартену, Т. Н. Поповой, С. П. Гапонову, Г. М. Мелькумову (ВГУ) и В. Б. Голубу (ИЭВБ РАН).

Мы просим присылать пожелания и замечания по этой книге на электронный адрес: entoma@mail.ru. Особенно мы будем рады получить новые сведения и копии документов и фотоснимков, связанных с биографией Владиславы Ивановны Лащевской.

Глава 1

СЕМЬЯ И ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Владислава Ивановна Лащевская родилась 30 августа 1894 года. Ее отец, Ян (Иван) Станиславович Лащевский (род. ок. 1846 г., ум. 12.11.1913 г.), был железнодорожным служащим [27], а мать, Вильгельмина Александровна (урожденная Пуле) (1869–1955), – принадлежала к известным родам Пуле и Столлей.

Дедушкой и бабушкой Владиславы по материнской линии были Александр Петрович (ум. ок. 1873 г.) и Анна Германовна Пуле (13.07.1844 – ум. после 1920). Александр Петрович Пуле был выходцем из Тамбова и дослужился до чина коллежского советника. В 1860–1870 гг. он работал в Воронежском кадетском корпусе, где преподавал немецкий язык [3]. Анна Германовна (урожденная Столь) принадлежала к известному семейству Столлей. Основателем воронежской ветви этого рода был Герман Фридрихович Столь (1810–1887).

Столлы – род древний. Отец Германа, Фридрих Эрдман Столь, был проповедником, выходцем из Тюрингии¹. Родные братья Германа окончили теологический факультет Дерптского университета и были пасторами. Герман же избрал для обучения медицинский факультет того же университета.

Свою службу Герман Фридрихович (прадедушка Владиславы) начал «смотрителем красок и аптекарских материалов» на таможене. В 1842 году у них с супругой, Оттилией Германовной, появился первенец – Вильгельм. Там же родились две дочери: Мария (в 1843 году) и Анна (в 1844 году).

Когда первенцу было два года и девять месяцев, семья переехала в Воронеж. Живя здесь, со временем Герман Фридрихович удостоился высокой должности городского врача, т. е. стал главным врачом г. Воронежа и фактически возглавил воронежскую медицину того времени.

¹ Тюрингия – административная единица современной Германии. В Средневековье была королевством, затем герцогством.

В Воронеже у четы Столлей появились еще трое сыновей: Карл (родился в 1845 году), Фридрих (в 1848 году) и Герман (в 1850 году). После того, как Герман Фридрихович оставил службу, он стал заниматься частной врачебной практикой [33]. Работал в собственном доме [30, 31]. Усадьба Столлей находилась на Большой Дворянской улице.

В период жизни в Воронеже Герман Фридрихович много занимался общественной работой. Стал известным и уважаемым в городе человеком. Горожане с годами стали его именовать на русский манер – Германом Федоровичем.

В 1857 году Германа Федоровича избрали председателем совета евангелическо-лютеранской церкви. С 1883 года он также был гласным городской думы. По поводу его избрания воронежская газета «Дон» от 29 октября 1887 года сообщала:

«Коллежский ассессор Герман Федорович Столь – человек высшего образования, врач более 30 лет связавший свою профессию с г. Воронежем, приобретший и построивший здесь несколько домов и раздавший их своему потомству; пользовался всегда популярностью гражданина, который вручает свое хозяйство не в руки наемника, а сам следит за ним, хотя бы для этого нужно вставать в 5 часов. Указания Г. Ф. Столь – есть золотые указания там, где городскому хозяйству нужно действовать хозяйственно. По нашему мнению, это – незаменимый городской гласный» [33].

Дома глава семейства устраивал вечера-концерты, играл в кирхе на органе. Был страстным любителем музыки. Скончался Герман Федорович во время одного из богослужений, сидя за любимым музыкальным инструментом [1].

Сыновья Германа Федоровича (Фридриховича) в жизни пошли разными дорожками. Карл, как и отец, стал врачом [32]. Вильгельм (1842–1924) стал предпринимателем, был совладельцем завода сельскохозяйственных орудий. К 1914 году у товарищества «В. Г. Столь и К^о» были два завода (в Воронеже и Челябинске) и склады в 80-ти крупных населенных пунктах по всей стране. С 1915 года товарищество стало выпускать военную продукцию. В. Г. Столь был общественным деятелем, благотворителем.

Впрочем, вернемся к роду Пуле. Семейство Александра Петровича Пуле имело усадьбу на Большой Дворянской улице, которую подарил своей дочери, Анне Германовне, ее отец – Герман Федорович Столль. Усадьба была солидная. В центре возвышался приличного вида и состояния двухэтажный особняк с мезонином. С фасада его украшали четыре колонны под фронтоном, а со двора была приделана каменная пристройка [5].

У Александра Петровича и Анны Германовны было двое сыновей (Герман и Людвиг) и пятеро дочерей (Матильда, Оттилия, Анна, Вильгельмина и Наталья). Осенью 1873 года Александр Петрович Пуле скончался. Анна Германовна, горько оплакивала своего супруга. Впереди ее ждало непростое время, учитывая, что после смерти мужа она осталась вдовой с детьми на руках. Но она оказалась сильной женщиной, взяла хозяйственные бразды в свои руки. Провела перепланировку особняка. Первый этаж стала сдавать арендаторам под магазины, пристройку – квартиросъемщикам [5].

Все дети Александра Петровича и Анны Германовны получили достойное воспитание и образование. Старший сын, Герман Александрович Пуле (1862–1935), стал нотариусом, а позднее гласным Воронежской думы, членом городской управы, заместителем городского главы. Был женат на Зинаиде Федоровне Кривошеиной, дочери купца. Но к 1920 году овдовел. Детей в браке не было. В советское время служил председателем коммунальной секции Губплана. После смерти был похоронен в г. Воронеже на Коминтерновском кладбище.

Второй сын, Людвиг Александрович Пуле (1865–1942), успешно сдал экзамены на звание аптекарского помощника в Московском университете, после чего работал в заведении своего родственника Людвиг Мюфке. А позже стал акцизным чиновником, сменив предыдущую работу на государственную службу при Министерстве финансов. Дослужился до чина коллежского асессора. Семьи не создал. Как считается, погиб в Воронеже во время немецкой оккупации города в годы Великой Отечественной войны.

Матильда Александровна Пуле (1863 – ок. 1942) училась в Мариинской гимназии, но не окончила ее из-за болезни. В семнадцать лет она вышла замуж за Витольда Ганнибаловича Растропо-

вича² – пианиста, педагога и композитора. В дальнейшем Матильда посвятила себя полностью мужу и семье.

Оттилия Александровна Пуле (р. 1866 г.) окончила Мариинскую гимназию, потом вышла замуж за эстонца. После революции переехала жить в Таллинн.

Анна Александровна Пуле (1867–1934) получила в 1903 году диплом доктора медицины в Цюрихском университете, после чего работала в земской больнице, преподавала в женских гимназиях гигиену.

Вильгельмина Александровна Пуле (1869–1955) окончила Мариинскую гимназию, а позже вышла замуж за Яна Станиславовича Лащевского.

Семейство Лащевских жило в Грязях Тамбовской губернии [1] и в Воронеже. Первые две дочери Лащевских, Ядвига (8.01.1889 – 13.09.1894) и Ванда (18.06.1890 – 10.09.1894), судя по записям метрической книги, умерли в раннем возрасте от эпидемии. Обе девочки были похоронены в Воронеже на Чугуновском кладбище [1, 3].

Там же, на станции Грязи, 30 августа 1894 года у четы Лащевских родился третий ребенок – Владислава. Обряд крещения прошел 22 января 1895 года в воронежском католическом костеле, т. к. отец Владиславы, Иван Станиславович, был католиком.

Весной 2019 года в Воронеже был открыт памятник Вильгельму Столлю. Бронзовую фигуру мецената установили на ул. К. Маркса. Фото Е. В. Аксёненко

² Внук Матильды Александровны и Витольда Ганнибаловича, Мстислав Леопольдович Ростропович (1927–2007), был один из самых известных виолончелистов, пианистов и дирижёров XX века.

Вильгельмина Александровна и Ян (Иван) Станиславович Лащевские – родители Владиславы. Фото из личного архива В. Б. Яковлева³

Впоследствии в различных документах и биографических очерках В. И. Лащевская по какой-то причине будет уменьшать свой возраст, указывая в качестве даты рождения 1895 год [3].

Все свое детство Владислава, как она позднее сама вспоминала, провела на различных станциях Московско-Киево-Воронежской железной дороги, которая соединяла Центр России с Юго-Западными районами страны. Первоначальное образование девочка получила дома [3]. Потом она обучалась в Мариинской гимназии (в Воронеже), в которую поступила сразу в 5-й класс.

Владислава Лащевская в детстве. Фото из личного архива В. Б. Яковлева

В 1912 году она с золотой медалью окончила семь классов. Атмосфера в доме Лащевских, по-видимому, благоприятствовала хорошей учебе и любознательности юной барышни. Впоследствии В. И. Лащевская писала, что *«прекрасные книги всегда в изобилии находились у нас дома из самых различных библиотек»* [22].

Впрочем, этот период не был безоблачным временем. После окончания седьмого класса Владислава заболела туберкулезом, из-за чего на целый год была вынуждена прервать учебу. Для улучшения самочувствия в 1912 году ее возили на курорт в город Лейзан (Швейцария) [27].

³ Яковлев Виктор Борисович – внук В. И. Лащевской и Б. М. Козо-Полянского.

Женская Мариинская гимназия в Воронеже.
Дореволюционная открытка

В ноябре 1913 года умер Ян Станиславович Лащевский. Девочка осталась без отца. Это был непростой период в жизни Владиславы. Поэтому окончить восьмой класс гимназии (с педагогическим уклоном) она смогла только в 1914 году.

В это время Россия, как и весь мир, вступала в период горестных событий и потрясений. 1 августа (19 июля по старому стилю) 1914 года Германия объявила войну России. Начиналось страшное время Первой мировой войны, которая продлится с 28 июля 1914 года по 11 ноября 1918 года и унесет миллионы человеческих жизней.

Но это был лишь первый этап трагедии. А на горизонте уже маячили предвестники Революции и Гражданской войны – событий, которые в итоге привели к падению Российской империи и разрушению привычного уклада жизни русских людей...

Владислава Лащевская.
Фото из личного архива
В. Б. Яковлева

Глава 2

ЮНОСТЬ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

В 1915 году Владислава Лащевская поступила на естественное отделение физико-математического факультета Московских высших женских курсов. По требованиям того времени, чтобы получить высшее образование, было необходимо предоставить разрешение от отца или мужа. Так как ее отец умер двумя годами ранее, а замужем она еще не состояла, то это разрешение ей пришлось брать у матери.

На Московских высших женских курсах Владислава проучилась до 1918 года [27]. На каникулы она приехала в Воронеж, где познакомилась с Борисом Михайловичем Козо-Полянским – ассистентом кафедры ботаники Воронежского сельскохозяйственного института.

Высокий, с коротко стриженной большой головой и умным, живым лицом, Борис Михайлович уже в те годы славился ораторским искусством, страстью к науке и артистичностью. Могла ли устоять перед ним юная студентка Владислава? Впрочем, мы лишь предполагаем.

Сохранились воспоминания К. В. Скуфьина⁴ с описанием образа Б. М. Козо-Полянского этого периода, в которых он отмечает, что в 1920-е годы Борис Михайлович был в расцвете сил: *«высокий, крупнотелый, размашистый в движениях, краснолицый, с гладкой натянутой кожей лица, бритой или коротко стриженной, рано лысеющей головой, летом покрытой легкой кепкой, зимой в помещении “профессорской” шапочкой из черного бархата, без очков. В общем, он был то, что называется “видный мужчина”.* Мне кажется, что он был в те годы похож на известного киноартиста Жанна Марэ. Да и при чтении лекции он

⁴ Скуфьин Константин Васильевич (1908–2000) – доктор биологических наук, профессор, во второй половине XX века – заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Воронежского государственного университета.

был в высокой степени артистичен, жестикулировал не только мимикой, руками, но и всем телом, походкой, с внезапными остановками и т. п.» [40].

Владислава Ивановна и Борис Михайлович бракосочетались 19 октября 1918 года. Выйдя замуж, в Москву Владислава Ивановна уже не вернулась [4].

Из воспоминаний В. И. Лащевской известно, что в эти годы она начала работать. С 1919 по 1920 год она исполняла обязанности ассистента на Высших аграрно-экономических курсах. В 1920 году работала преподавателем на Повторительных курсах для учителей при Сельскохозяйственном институте. И в этом же году была ассистентом на Курсах для слушателей фармации при Воронежском государственном университете.

С 29 августа 1920 года Владислава Ивановна, будучи еще студенткой, стала исполнять обязанности младшего ассистента на кафедре морфологии, систематики и географии растений физико-математического факультета Воронежского университета. В эти первые годы существования ВГУ такая ситуация не была единичным явлением. Например, на кафедре зоологии и сравнительной анатомии у профессора И. И. Шмальгаузена работал в должности ассистента студент Н. И. Николюкин – будущий крупный ученый-ихтиолог [6, 40].

Параллельно с работой на кафедре морфологии, систематики и географии растений, Владислава Ивановна сдавала предметы старших курсов и государственные экзамены. Вспоминая впоследствии этот период, она писала:

«Экзаменовали профессора бывшего Юрьевского университета: Богоявленский (химия), Тарасенко (минералогия, петрография), Боголюбов (геология), Сент-Илер (введение в зоологию), профессор Медицинского ин-та Георгиевский (анатомия человека), профессора сельско-хоз. ин-та Саноцкий (физиология человека и животных), Келлер (введение в ботанику), Благовещенский (физиология растений)...» [22].

Новый этап испытаний для Воронежского университета наступил в феврале 1920 года. Советское правительство заключило мирный договор с Эстонией, по которому обязалось вернуть имущество эвакуированного в Воронеж Юрьевского университета.

Погрузка и отправка грузов проходили в спешке и без надлежащего контроля. В итоге в Эстонию вывезли не только имущество Юрьевского университета, но и то, что из Эстонии не привозилось.

Эта ситуация оказалась для университета тяжелым ударом. Для сотрудников это был не менее сложный период. Сотрудники университета испытывали материальные лишения и нужду, но, несмотря ни на что, продолжали трудиться и честно выполнять свои педагогические обязанности [18].

Позднее Борис Михайлович Козо-Полянский, вспоминая эти годы, так это описывал:

«Моя работа в ВГУ началась с весны 1920 г. Я жил в то время в СХИ, и единственный способ сообщения с городом – попросту пешком по шпалам. Приходилось путешествовать во всякую погоду, нося с собой из СХИ книги, модели, таблицы и т. п. Меня прозвали профессором-улиткой или “сумчатым” профессором, потому что я ходил с сумкой или мешком. Кафедра систематики растений тогда располагала одной комнатой... Комната была темная, сырая, с мрачными бурыми обоями... Из учебников имелся один экземпляр по систематике Варминга из библиотеки бывшего кадетского корпуса. От корпуса же осталось несколько старинных микроскопов и примитивных таблиц для средней школы.

Студентов-биологов было человек 7 или 8, так что на тесноту жаловаться не приходилось... Персонал кафедры был такой: профессор, ассистент (впоследствии профессор пединститута Лащевская) и сторож.

В. И. Лащевская.
Фото из личного архива
В. Б. Яковлева

Бывшее здание Михайловского кадетского корпуса,
в котором с 1918 года размещался Воронежский университет.
Дореволюционная открытка

Надо, однако, признать, что маленький персонал взялся за дело ретиво. В 1920 г. был прочитан большой курс высших растений, материалы которого в 1921 г. были выпущены отдельной книгой. На первом геоботаническом съезде (Москва, 1921 г.) кафедра сделала два доклада, а на Первом Всесоюзном ботаническом конгрессе (Ленинград, 1921 г.) – 5 докладов» [35].

Впрочем, подобные скудные условия существования не были чем-то исключительным в первые годы существования Воронежского университета. Из воспоминаний К. В. Скуфьина мы знаем, что «все кафедры физмата в это двухлетие были крайне малы. У Сент-Илера, кроме него и асс. Веры Ивановны, был только служитель. У ботаника проф. Козо-Полянского и его жены асс. В. И. Лащевской аналогично был только сторож. На кафедре математики еще парадоксальней. Заведовал кафедрой проф. П. В. Граве, но по болезненному его состоянию фактически всеми учебными предметами занимался асс. Н. П. Самбикин и надо сказать – блестяще. На кафедре физики, кроме проф. Н. А. Сахарова, была только лаборантка Е. К. Вемстрем и уборщица Саша» [40].

28 февраля 1922 года Владислава Ивановна окончила естественное отделение физико-математического факультета ВГУ. С этого момента и до 1 сентября 1931 года основным местом ее работы стал Воронежский университет [22, 43].

Проживала В. И. Лащевская в этот период жизни в доме своей тети Анны Александровны Пуле. К счастью для них дом не подвергся муниципализации. После революции он был разделен на три квартиры: одна находилась в главном доме, а две другие – в отдельных флигелях. В квартире, расположенной в одном из этих флигелей, проживали сама домовладелица, ее сестра (Вильгельмина Александровна Лащевская), их мать (Анна Германовна Пуле) и Владислава Ивановна Лащевская-Козо-Полянская.

В. А. Лащевская⁵

Дом А. А. Пуле находился на правой стороне современной улицы 9 Января, в квартале между улицами Пушкинской и Фридриха Энгельса. Позднее, боясь, что дом будет национализирован, Анна Александровна Пуле его продала и приобрела часть домовладения меньшего размера на соседней 1-й Советской улице (сейчас ул. Пушкинская). В новый дом с сестрой переехала и Вильгельмина Александровна.

Квартиру на улице Пушкинской впоследствии после смерти Анны Александровны Пуле (в марте 1934 года) унаследовала ее сестра Вильгельмина Александровна Лащевская⁶. Здесь же жила ее дочь Владислава Ивановна Лащевская [3].

⁵ Фото из книги: *Акинъшин А. Н.* Воронежские Ростроповичи: семейный портрет на фоне истории. – Воронеж: Центр Духовного возрождения Чернозёмного края, 2006. – 352 с.

⁶ Свой земной путь Вильгельмина Александровна завершила 7 апреля 1955 года в возрасте 86-ти лет.

Глава 3

РАБОТА В ВОРОНЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Переписка В. И. Лащевской с английским палеоботаником Д. Г. Скоттом

В начале 1920-х гг. Владислава Ивановна прочитала книгу английского ботаника Д. Г. Скотта «*Studies in Fossil Botany*», и увлеклась проблемой происхождения хвойных растений. Вот как она впоследствии это вспоминала:

«Увлекалась проблемой происхождения хвойных, считалась она очень сложной. А вокруг людям не до вымерших растений, не до хвойных. Подумала, что это, наверное, должно интересовать того, кто об этом писал: Scott'a. Написала три работы, перевела их на английский язык и в библиотеке ВГУ на машинке отстучала рукопись одним пальцем. Б. Н. Замятнин доставал мне резинку для этой старой машинки Hammond'a, чтоб она заработала. Послала рукописи: London, D. H. Scott'у, приписав 3 буквы, как было написано на обложке его книги: F. R. S. Узнала, что эти буквы означают «член королевского общества»⁷.

Приносит как-то Б. М. Козо-Полянский письмо, спрашивает: писала? Самому Scott'у?

Отвечаю: писала. А в ВГУ лежало письмо на английском языке, да неизвестно кому адресованное: Dr. V. Lashevsky, The University, Woronesh, Russia. Это был, верно, 1924 год. А я доктора получила в 1941 г., а в 1922 закончила ВГУ. Письма все, кроме последнего, начинались “Dear Sir” (“Дорогой сэръ”)» [22].

На почве вспыхнувшего интереса она готовит несколько работ, которые переводит на английский язык и отправляет их знаменитому автору книги. Так началось их общение, при котором английский ботаник был уверен, что переписывается с мужчиной.

⁷ FRS (Fellow of the Royal Society) – член Королевского общества.

Путаница возникла из-за особенностей перевода фамилии Владиславы Ивановны на английский язык – Lashevsky. На протяжении двух лет от Д. Г. Скотта приходили письма со стандартным указанием в адресной строке: «Dr. V. Lashevsky, The University, Voronezh, Russia».

Одно из этих писем, написанное Д. Г. Скоттом 19 августа 1924 года Владислава Ивановна позднее передала на хранение в Музей истории ВГУ. О содержании других писем мы можем судить по весьма оригинальной заметке, которую опубликовала одна из газет много лет спустя под названием «Извинения сэра Д. Г. Скотта. Неизвестные страницы из истории науки» [29].

Заметка начинается с того, что читателям сообщают краткую информацию об именитом английском ботанике, с которым состояла в переписке сотрудница Воронежского университета В. И. Лащевская:

«Сэр Дьюкинфилд Генри Скотт прожил долгую (1854–1934 годы) и интересную жизнь. Выдающийся ботаник-дарвинист, автор многих научных трудов, член многих научных обществ, и обладатель многих почетных титулов, он еще при жизни был признан как один из основоположников метода анатомо-микроскопического исследования растений, составившего целую эпоху в науке. Его мысли о генетическом единстве растительного мира не утратили своего значения и в наши дни. Не случайно имя английского исследователя можно встретить не только во всех сколько-нибудь авторитетных энциклопедиях мира, но и в школьных учебниках. Вот почему имеет определенный интерес простая публикация некоторых его писем, адресованных в Воронеж и до сих пор не увидевших света.

Нет сомнения, что они привлекут внимание не только специалиста, но и просто любознательного читателя. В письмах, которые относятся к 1924–1925 годам, нашли отражения лучшие черты характера Д. Г. Скотта – его научная прямота и честность, уважительное отношение к коллегам по исследовательской деятельности, любовь к точным, экспериментально проверенным данным. В какой-то мере чувствуется специфический колорит тех лет. Присутствует в них и некоторый комический элемент, объясняющийся, возможно, как извинительной рассеянностью ученого, которому тогда шел уже седьмой десяток лет, так и обычными трудностями передачи имен и фамилий с одного языка на другой».

А далее в заметке приводятся шесть писем Д. Г. Скотта.

Первое письмо:

«15 августа 1924 года⁸.

Дорогой сэръ!

Приношу искренние извинения за то, что так долго не отвечал на Ваше письмо и приложение к нему от 31 мая прошлого года. Я потерял рукопись и только на днях разыскал ее. Я внимательно прочел записи и крайне заинтересовался Вашей гипотезой. Однако я полагаю, что ее необходимо расширить Вашими собственными оригинальными наблюдениями. Я понимаю, что Вы до сих пор полагались на литературу, хотя считаю, что публикация без оригинальной работы не была бы разумной. У Вас в России много хороший музеев, в которых, без сомнения, Вы могли бы много почерпнуть о растениях-ископаемых. Я думаю, что Вы могли бы в таком случае прийти к различным заключениям. Я полагаю, что третья часть, посвященная хвойным, является самой многообещающей. Но я не вижу связи между язычками ликоподиев и так называемыми язычками сосновых. Вы можете любезно сослаться на мои “Исследования по палеоботанике”. Хотя Вы можете и не знать, что первый том третьего издания появился в 1920 году, а второй в 1923 году. Если бы Вы сообщили мне, остался ли у Вас прежний адрес, то я бы смог послать Вам третье издание и вернуть Ваши записи. В связи с тем, что много времени ушло безвозвратно, я не полагаюсь на Ваш старый адрес до тех пор, пока Вы не напишите.

Ваш искренне Д. Г. Скотт».

Второе письмо:

«18 декабря 1924 года.

Дорогой доктор Лащевский!

Я не считаю возможным напечатать полностью Ваши “Заметки о сравнительной морфологии микрофильных кормофит”. Но мистер Тансли, издатель журнала “Новый ботаник”», лю-

⁸ В тексте оригинального письма значится 19 августа 1924 г., а в газетной заметке, по видимому, по ошибке указали другой день – 15 августа 1924 г.

безно разрешил мне написать статью для его журнала, чтобы изложить в ней сущность Ваших замечаний с моими собственными комментариями.

Это я сделал. Издатель получил мою статью, и нет сомнения, что он опубликует ее в одном из ближайших номеров. Я надеюсь, что это будет и Вам приятно. Я вышлю Вам статью, как только она выйдет в свет.

Я не всегда согласен с Вашими выводами, но я, и Вы убедитесь в этом, обходился с ними справедливо.

Преданный Вам Д. Г. Скотт».

Третье письмо:

«20 января 1925 года.

Дорогой доктор Лащевский! Очень благодарен за Ваше доброжелательное письмо от 26 декабря и присланный мне новый вариант Ваших заметок. Моя статья уже пошла в набор, но я добавил замечание, сообщающее о Вашей новой точке зрения. Нельзя не отдать должное Вашему новому варианту очерка, который принял теперь большие размеры. Чувствуется, что Вы основательно изучили литературу и анатомию.

Должен Вас поблагодарить за предложение прислать мне Ваши альпийские (реликтовые) растения, но, к сожалению, у меня нет гербария. Если бы Вы могли их отправить в знаменитый Кьюгербарий, где они будут без сомнения оценены. Директор там теперь доктор А. В. Хилл, член королевского общества. Адрес такой: «Королевский ботанический сад, Кью, Сюррей, Англия».

Ваш искренне Д. Г. Скотт».

Четвертое письмо:

«26 марта 1925 года.

Дорогой сэр!

Примите мою благодарность за ваше письмо! При непостоянстве крыла хвойных семян оно может быть образовано из отошедшей части семенной чешуи. Я не вижу, как орган такого происхождения может иметь постоянную морфологическую ценность. И, кроме того, я не вижу необходимости вообще го-

ворить о крыле. Ваша теория проще и лучше без него! Признавая три сорта чешуй, Вы только усложняете проблему без надобности. О семенной чешуе Вы очень хорошо писали раньше.

Мне очень интересно было узнать, что Вы летали на самолете! Только один член моей семьи летал – это дочь, прилетевшая из Амстердама в Роттердам. Правда, моя молодая кузина является офицером Воздушных Сил.

Я очень рад, что вы читаете мои “Вымершие растения” и был рад узнать ваше мнение о них.

Отдельные оттиски моей статьи о Вашей работе еще не пришли.

Ваш искренне Д. Г. Скотт».

Пятое письмо:

«19 июля 1925 года.

Дорогой сэр!

Очень благодарен за Ваше письмо от 10 июля. Я рад, что Вы получили копии моей статьи. Вы не должны бояться заглавия, того, что “оно ошибочно может быть понятно”.

Слова “русская точка зрения” не означают, что все русские ботаники думают то же самое. Я хочу заверить Вас в том, что в Англии с большим интересом относятся к русским взглядам на многие вещи.

Я думаю, что теория ризофоров у меток Улодендрон вполне достойна тщательного обсуждения в настоящем. Гипотеза дряхлых, рано опадающих ветвей кажется мне более вероятной. Что касается лигулы – это является только аналогией. Я не думаю, чтобы аналогия была очень близкой.

Морфология хвойных слишком велика, чтобы быть объектом дискуссии в письме. У меня достаточно написано об этом в моей статье. Я не думаю, что мы знаем их настоящую эволюционную последовательность.

Я склоняюсь к плацентарной гипотезе, как к самой простой, теория же пазушного побега кажется мне насильственной и искусственной. Но я не имею возражений против Вашей листовой теории (и Роберта Броуна) в ее оригинальной форме.

Я Вам очень признателен за высокую оценку моей статьи. Я еще не видел комментариев к ней.

Я посылаю Вам в отдельном конверте свою фотографию и был бы рад иметь Вашу в обмен. Я также вкладываю небольшую, только что опубликованную статью “Происхождение семенных растений” в подарок Вам.

С добрым приветом Ваш искренне Д. Г. Скотт».

Получив это письмо от Д. Г. Скотта, Владислава Ивановна какое-то время не знала, как лучше поступить: *«Я очень расстроилась последнему предложению Scott’a, – пишет она в своих воспоминаниях, – Как быть? Срезать длинную косу? Все равно внешность женская. Советовали послать Scott’у портрет любого моего знакомого мужчины. Обман это. Снялась и послала ему портрет такой, какой была. Послала я мою фотографию, написала, что я его обманывала, а так получилось потому, что переписывались по-английски, а не по-немецки, и не по-французски»* [22].

Письмо В. И. Лащевской очень сильно удивило Д. Г. Скотта, когда тот его прочитал и увидел вложенный портрет. Мы об этом знаем из его шестого письма:

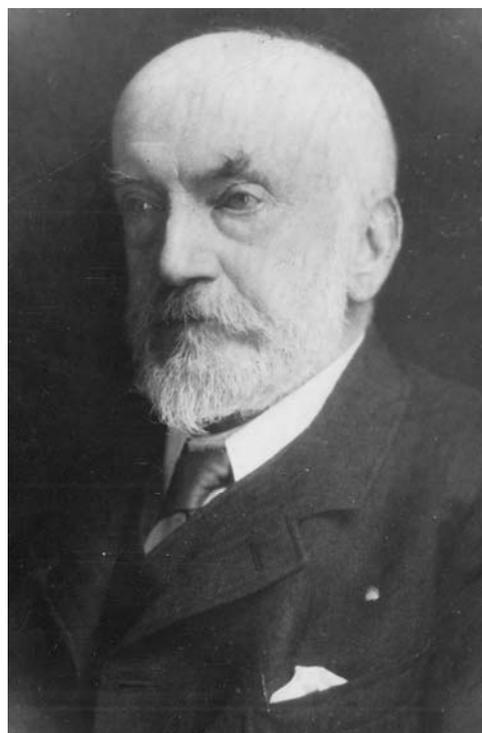
«3 сентября 1925 года.

Дорогой доктор Лащевская!

Примите мои благодарности за Ваше письмо и фотографию.

Последняя очень изумила меня, так как я даже не подозревал, что переписываюсь с женщиной. Прошу принять мои извинения за стиль писем, стиль, неподходящий из-за моего неведения.

Очень мило с Вашей стороны послать мне Вашу фотографию, которую я поставил в рамку.

Фотография, которую Д. Г. Скотт подарил В. И. Лащевской.
Фото из архива Музея истории ВГУ

Я рад узнать, что в России женщины играют активную роль в ботанике. У нас в Англии они тоже играют важную роль. Я только что вернулся со съезда Британской Ассоциации в Соутгемптоне. Одна из главных проблем, которая стояла на повестке дня в ботанической секции, была открыта тремя женщинами. И все трое сделали глубокие, интересные сообщения. Я очень интересовался аномальными структурами у современных растений и поэтому был очень рад узнать о Вашем открытии у Дафны Юлии. Вы совершенно правы, говоря, что подобные аномалии есть у некоторых стеблей вымершего папоротника. Мистер Валтон в его исследованиях триасских стеблей пришел к заключению, что это была лиана. С добрым приветом Ваш искренне Д. Г. Скотт».

Фотография, которую В. И. Лащевская подарила Д. Г. Скотту. Фото из архива Музея истории ВГУ

Завершается газетная заметка краткой характеристикой Владиславы Ивановны:

«А теперь несколько слов об адресате сэра Скотта. Ныне здравствующая Владислава Ивановна Лащевская, профессор, доктор биологических наук, в те годы только начинала свою научную и педагогическую деятельность. Тема ее исследований, которым она затем посвятила свою жизнь, была близка к трудам Скотта. Этим и объясняется обращение молодого ученого к знаменитому дарвинисту, как впрочем, и то внимание, с каким крупный ученый отнесся к новым работам в хорошо известной ему области.

В. И. Лащевская с увлечением изучала проблему происхождения хвойных растений, в те годы считавшуюся исключительно сложной. Ее работы, позволившие ей стать сначала кандидатом, а затем и доктором биологических наук, привели к интересным открытиям по различным вопросам эволюции растительного мира, но это уже предмет особого разговора» [29].

Работа в Научно-исследовательском институте при Воронежском университете

Несмотря на сложный период в существовании университета, научная работа в нем не пресекалась. Энтузиазм и мечты о светлом будущем, а может просто желание и стремление улучшить ситуацию, объединяли людей с научным складом ума. Не меньшую роль, по-видимому, в этом сыграло и начавшее работать в эти годы в стенах университета Воронежское общество естествоиспытателей, которое, как и сам ВГУ, своими корнями было связано с историей Императорского Юрьевского университета [7].

В 1923 году среди членов нового состава Воронежского общества естествоиспытателей значатся Владислава Ивановна Лащевская и Борис Михайлович Козо-Полянский. На организационном собрании, проходившем 14 февраля 1923 года, Борис Михайлович был избран секретарем Воронежского общества естествоиспытателей (а с 1928 года стал председателем) [8].

Воронежское общество естествоиспытателей в эти годы выполняло некую объединяющую роль, охватывало своей деятельностью научных работников ряда высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов г. Воронежа и области, а также отдельных натуралистов, практических работников и краеведов [7].

В 1924 году физико-математический факультет, на котором работали Владислава Ивановна Лащевская и Борис Михайлович Козо-Полянский, был реорганизован и постепенно начал сливаться с педагогическим факультетом.

Чтобы сохранить научные кадры и продолжить научно-исследовательскую работу, которая могла прерваться, при Воронежском университете был создан Научно-исследовательский институт.

4 декабря 1925 года были утверждены директор, ученый секретарь и действительные члены Научно-исследовательского института. Из ботаников действительными членами стали Б. А. Келлер (геоботаника) и Б. М. Козо-Полянский (ботаника). В конце года были допущены к исполнению обязанностей сотрудников 1-го разряда: В. И. Бухалова, П. Г. Зеленин и В. И. Лащевская.

Среди комплексных тем, которые были запланированы Научно-исследовательским институтом на ближайшее время, по ботанике значатся следующие:

- изучение флоры окрестностей Воронежа;
- изучение растительных вредителей сельскохозяйственных растений и лесных пород Центрально-Черноземной области;
- ботанико-географические исследования в области первичной лесостепи Центрально-Черноземной области;
- продолжение исследований по анатомии репродуктивных органов.

Главный корпус Воронежского университета (здание бывшего Михайловского кадетского корпуса)⁹ в первой половине XX века

По геоботанике:

- изучение левобережных песков и песчаных земель области в целях возможно более рационального хозяйственного их использования;
- строение степных растительных ассоциаций в связи с типами черноземов и, в частности, с их плодородием;

⁹ Старое здание Воронежского государственного университета было разрушено в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).

– степные пастбища, состав и биология населяющей их растительности;

– солонцовые комплексы черноземной зоны в связи с осиновыми кустами и при оврагах;

– современные и ископаемые торфяники и их значение для выяснения истории флоры Средне-Черноземной области.

В качестве прикладных вопросов указаны:

– изучение вопроса о возобновлении островных дубрав и боров лесостепи;

– изучение влияния леса на занимаемую им и окружающие его местности.

Среди тем общенаучного значения отмечены:

– современное состояние основных вопросов филогении высших растений;

– судьба криптогамической (или древней) ксилемы в семяпочке и семени.

Однако в итоге Научно-исследовательский институт так и не смог приступить к выполнению всего плана, так как на это не было выделено финансирования. Тем не менее, уже в первый год существования Научно-исследовательского института Борис Михайлович Козо-Полянский смог организовать активную работу во всех направлениях, которые были запланированы по ботанике.

Владислава Ивановна Лащевская, являясь сотрудницей ботанической лаборатории Научно-исследовательского института, в этот период обрабатывала материал, собранный во время экскурсий в районе реликтовой растительности [16].

Экспедиционная работа

В мае 1925 года Владислава Ивановна и Борис Михайлович совершили экспедиционный выезд в «западный реликтовый подрайон дубравного района», располагающийся на стыке Старооскольского, бывшего Землянского и Нижнедевицкого уездов.

Там, близ деревни Баркаловки¹⁰ Старо-Оскольского уезда Курской губернии Владислава Ивановна обнаружила ржавчинный гриб, паразитирующий на шиверекии подольской. Эта находка

¹⁰ В настоящее время участок Баркаловка входит (с 1969 г.) в состав Центрально-Чернозёмного государственного заповедника имени профессора В. В. Алёхина.

произвела на нее большое впечатление. Несколькими годами позднее, готовя научную публикацию по итогам этой поездки, В. И. Лащевская отметит, что *«гриб привлекает к себе особый интерес: как нечто новое из столь интересного района и как паразит такого замечательного растения, как Schivereckia»* [25].

По мнению Б. М. Козо-Полянского эта местность *«представляет выдающийся ботанический интерес, так как лежит в области “убежища жизни” ледникового периода, отличается своеобразными физическими условиями, и, de facto, несет крайне оригинальную растительность, до сих пор едва затронутую изучением»* [19].

В 1926 году супруги вновь посетили эту местность в ходе одной из экскурсий. В этот раз они старались не упустить из виду и низшие растения...

В ходе своих поездок помимо Баркаловки Борис Михайлович и Владислава Ивановна также посетили и другие места: Мишин Бугор, лог Быстрик (от Троицкого до Быкова) и систему логов с. Ключи в Нижнедевицком уезде. В ходе этих экспедиционных выездов-экскурсий были обнаружены интересные виды растений [19].

В этот период у В. И. Лащевской также состоялась совместная экспедиционная поездка по Воронежской и Курской губерниям с Б. М. Козо-Полянским и В. В. Алёхиным¹¹. В своих воспоминаниях Владислава Ивановна так описывает экспедиции и поездки, в которых ей довелось принимать участие:

«От станций Кшень и Лачиново ехать на телеге. Дороги ужасные, местами перепаханные. Спали в классах школы на полу. Ночью мыши лезли в волосы, выбирая зерно из соломы, на которой мы спали. Давали только молоко утром и вечером по крынке. Уходили на весь день “брать метры”. Когда съели хлеб и колбасу, взятые из Воронежа, пришлось возвращаться в Воронеж.»

¹¹ Алёхин Василий Васильевич (1882–1946) – российский и советский ботаник. Основатель московской геоботанической научной школы. Доктор биологических наук, профессор. В 1923 г. создал в Московском государственном университете кафедру геоботаники.

Пыталась я достать хлеб. Женщина одна мне подает хлеба каравай и говорит: “вёрнешь завтра” (не вернёшь!). Деньги не берут. 4 дня работали только.

Это был июль, а там цвел в густых зарослях дикий миндаль розовыми цветами. Этим миндалем топило население русские печи, пекли хлеб. На буграх с тонким слоем чернозема на мелу росли сплошь *Daphne julia*: все бугры были малиновыми. Цветы по форме напоминали сирень, а запах сильный: как гиацинт и листья были вечнозелеными, но много их лежало и на земле. Между *Daphne julia* белеет *Anemone sylvestris*, незабудка голубая, а сплошная осока, *Carex humilis*, давала желтоватый фон. Красота!

Надо было определить возраст группировки. Наняла двух девушек с лопатами, с трудом вырыли толстый, подземный стебель у *Daphne julia*. Когда привезла все домой, оказалось, что только надземные ветки имеют нормальные стебли с кольцами камбия, а стебель толстый подземный имел особую структуру, камбия не оказалось, возраст определить нельзя было! Но открыта и описана анатомическая структура, имеющая признаки тропических лиан (под землей). Структура сохранилась под землей консервативной, связана она с прежними древними условиями среды в Курской области. Такое анатомическое строение стебля описано впервые для СССР; строение стебля является новым для всего семейства *Thymelaeaceae*.

Искала в экспедиции больше растения реликтовые. Мелкие очень пятнышки встречались на стеблях, листьях. Наконец, в Баркаловке недалеко от бывшего пожарища, небольшие пятна с обугленными черными растениями, кусты шиверекии подольской цвели, но были все скрюченные, изогнутые стебли, на вид это ржавчина. Оказалось дома, что ржавчина особенная, у нее зимние телеитоспоры развились весной, а летних, уредоспор не было. Описан новый ржавчинный гриб для ЦЧО, при этом – гриб реликтового района на реликтовом растении-хозяине. Шиверекия описана как новый хозяин гриба ржавчинника, *Russinia drabae*, и хозяин новый для всех ржавчинников вообще. Присутствие гриба горно-северного типа в ЦЧО вполне гармонирует с

реликтовой гипотезой происхождения некоторых элементов растительности на Курско-Орловской возвышенности и идет в разрез с гипотезой заноса шиверекии человеком».

И там же: «Съездила еще раз в эти реликтовые места с проф. Козо-Полянским (в мае на 4 дня). Больше ездить на реликтовые бугры не пришлось: стала преподавателем, вечно занятым учебной и общественной работой, делами кафедры, а потом и аспирантами. Кроме того, появилась дочь.

А вспоминаешь эти поездки с любовью. Правда, условия были для работы не очень хорошие: еды нет; во многих местах мы были первыми в деревне “чужими” людьми, до нас туда не приезжали. Рассматривали нас, прилипнув носом к стеклам окон. А окна не открывались: на стекле были проведены 2 белые полосы для вида на кусочке стекла.

Как-то утром, выйдя по маршруту, на улице я увидела много женщин, они цепью становились поперек очень широкой улицы от изб одного края улицы, до изб другого края. Я подошла к ближайшим женщинам и поздоровалась с ними, сказала кто я, с кем приехала, откуда мы, зачем приехали, что здесь делаем. Женщины меня окружили, стали меня расспрашивать. А потом мне говорят “а мы тя бить хотели”. За что? – спрашиваю их. “Мать божия плат носила и нам велела, а ты в мужской шляпе ходишь”. Говорю им, что в городе к платкам не привыкли, а к шляпам. А моя специально для работы куплена: шерстяная с полями отстроченными. Весь день лежу в траве носом, солнце жжет, шляпа с полями – защита. А если дождь, то вода на полях собирается, а не на лицо капает, глаза защищает. Разошлись мы мирно, довольные разговором.

*Как-то поздно возвращались с моего задания, обошли все северные склоны бугров, обе стороны оврага обошли, нашла новые растения крестоцветные *Hesperis* с лиловыми цветами, иду довольная, а подошла к селу, где в школе остановились, на меня залаяла собака, потом другая, собралась целая свора, лают, чуть не кусают, вой и шум, а ни одна дверь избы не открывается. Пришлось идти по одному шагу медленно продвигаясь, чтобы не злить собак здоровенных, мохнатых, на волков похожих.*

*К 12 ч. ночи пришла в школу, а там учителя и проф. Козо-Полянский уже собрались идти в милицию, чтобы искать пропавшую, или погибшую. Учитель радостно вскрикнул, увидев у меня цветы, о которых он писал в Воронеж проф. Козо-Полянскому. Учитель думал, что это *Daphne julia*. Все кончилось хорошо.*

А как плохо ходить в юбке, она собирает всю воду после дождя, а мужчины в сапогах, им хорошо. Отстанешь немного от Алёхина и Козо-Полянского, выжмешь от воды юбку и идешь дальше. А чтобы согреться, не простудиться стала я есть хлеб, достав свой пай из рюкзака. Какие чудные цапли ходили по болотам, а вечером и ночью пели лягушки благозвучно, не квакали. Надували под подбородками белую шею, как пузырь и пели.

Как-то, собирая растения для студентов, я зашла подальше и увидела эфедры большие кусты. Это новый пункт нахождения эфедры, ранее не указанный в науке. Экземпляры эфедры мощные, сильные, ветвистые приподнимаются над землей до 25 см. Подземные стебли до 25 в обхвате на уровне земли. Все экземпляры – мужские; женские не замечены. Цветение было очень обильным. Это была “новость” для Воронежа. Эфедрa – релик[t].

Решили с проф. Козо-Полянским посмотреть знаменитую “Галичью Гору”. Добрались с трудом туда пешком от станции, да еще в дождь. Ночевать разрешили в сарае дырявом. Не было еще ничего организовано там. Еще ВГУ не принадлежала Галичья Гора. Нашла эфедрu, низенькие экземпляры, женские только. Все были засыпаны камнями, невдалеке была каменоломня; много камней лежало на еще живых кустиках эфедры. Собрала часть растений для анализа грибов. Были мы там всего 2 дня, выгнал дождь, отсутствие жилья.

Поехали с Козо-Полянским отдыхать в Гаспру в дом отдыха ученых. Там, у моря, на скалах собрала эфедрu для анализа грибов» [22].

В этот период Владислава Ивановна опубликовала ряд научных статей: о лиановом строении подземного стебля волчегодника Юлии [23], о плодовой чешуе хвойных [24], о происхождении флоры Курско-Орловского плато [25], об эфедре под Воронежем [26].

В. И. Лащевская (вторая справа) и Б. М. Козо-Полянский (первый справа)
в пос. Гаспра на южном берегу Крыма. 1925 г.
Фото из личного архива В. Б. Яковлева

Перед публикацией работы о плодовой чешуе хвойных, Владислава Ивановна отправляла англоязычный вариант рукописи палеоботанику Д. Г. Скотту, который «удостоил ее подробного разбора в “New Phytologist”, 1925». Завершает эту публикацию В. И. Лащевская указанием на то, что в письме к ней от 19 июля 1925 года доктор Скотт пишет следующее:

«I inclined to the placental hypothesis, as the simplest, for the axillary theory always seemed to me forced and artificial. But I have no objection to your leaf theory (and Robert Brown's) in its original form¹²» [24].

¹² **Перевод:** «Я склоняюсь к плацентарной гипотезе, как к самой простой, теория же пазушного побега кажется мне насильственной и искусственной. Но я не имею возражений против Вашей листовой теории (и Роберта Броуна) в её оригинальной форме».

Работа на педагогическом факультете ВГУ

Педагогический факультет в Воронежском университете был создан в 1921 году. В последующие годы в него постепенно вливались (по мере их реорганизации) другие факультеты. В 1926 году с педагогическим факультетом был полностью слит физико-математический факультет. В итоге в Воронежском университете остались два факультета – медицинский и педагогический. Последний с сельскохозяйственным уклоном [15].

Из воспоминаний В. Н. Цеханович¹³ мы знаем, что с открытием педагогического факультета, среди преподавателей, которые вели на нем практические занятия, была и Владислава Ивановна Лащевская [44]. Она сама по этому поводу позже напишет, что *«вначале работала на физмате, а когда он закрылся, то на педфаке, основанном на его месте»* [22].

С 1922 по 1924–1925 учебные годы Владислава Ивановна работала в должности ассистента. Потом стала преподавателем. В этой должности она проработала один год. В 1926 году В. И. Лащевская была переведена на должность старшего преподавателя.

В Справочнике научных работников Воронежа за 1927 год Владислава Ивановна Лащевская значится старшим ассистентом¹⁴ кафедры ботаники Воронежского университета. Ее супруг, Борис Михайлович Козо-Полянский, в это время является профессором, заведующим (директором) Ботанического института¹⁵ при Воронежском государственном университете, возглавляет кабинет фитопатологии в Воронежском государственном сельскохозяйственном институте и кабинет ботаники в Воронежском государственном ветеринарном институте. В качестве официального адреса у них обоих значится: Гр. Б. Ул. 9 января, 21 [41].

В этот период в жизни Владиславы Ивановны и Бориса Михайловича произошло важное событие – в 1928 году у супругов родилась дочь, которую назвали Ниной¹⁶. Семейные отношения

¹³ Цеханович Валентина Николаевна – химик-аналитик. В 1929–1958 гг. работала на химическом факультете Воронежского государственного университета.

¹⁴ По-видимому, речь идет о должности старшего преподавателя, если рассматривать с позиции современной системы профессорско-преподавательского состава.

¹⁵ Ботанический институт при ВГУ объединял существующие в этот период ботанические кафедры.

¹⁶ Козо-Полянская Нина Борисовна (5.05.1928 – 27.10.1995) – получила образование радиофизика, работала в Воронежском центре стандартизации и метрологии.

Владиславы Ивановны и Бориса Михайловича были непростыми. Большую часть супружеской жизни они проживали раздельно, но при этом продолжали состоять в браке.

С сентября 1930 года в Воронежском университете был создан химико-биологический факультет. Комиссия (ее возглавлял профессор Б. М. Козо-Полянский), занимающаяся организацией нового факультета, считала, что его создание будет способствовать возрождению университетских традиций и усилит научную составляющую.

Фотопортреты Б. М. Козо-Полянского и В. И. Лащевской
(с общей фотографии 5-го выпуска педагогов ВГУ 1925–1926 года).
Фото из архива кафедры ботаники и микологии ВГУ

В 1930 году Владиславу Ивановну перевели с должности старшего преподавателя, в которой она работала с 1926 года, на должность доцента. Однако на горизонте уже маячил призрак новых потрясений – университет в эти годы вступал в период очередных преобразований.

Началась реорганизация системы высшего образования. В результате чего, в 1931 году, из Воронежского университета были выделены экономический, медицинский и педагогический факультеты, на основе которых были созданы самостоятельные отраслевые институты [10, 18]. Часть сотрудников ушла работать в новые институты, среди них была и доцент В. И. Лащевская. Впрочем, связь с Воронежским университетом она не утратила, оставшись в нем в качестве совместителя.

Университет был почти полностью расформирован. В его составе оставался лишь химико-биологический факультет. В 1931 году началась коренная реорганизация. Основу обновленного университета составили сотрудники кафедр биологического и химического профилей. На биологическом отделении первое время главенствовали кафедры ботаники и зоологии. Но вскоре стали открываться новые кафедры.

Весна 1933 года выдалась для Воронежского государственного университета знаковой – начался процесс перехода на факультетскую систему. Согласно приказу № 209 по Воронежскому университету от 23 мая 1933 года было решено вместо существующих отделений организовать три факультета: химический, биологический и физико-математический.

Деканом биологического факультета был назначен Борис Михайлович. Однако в этом же приказе говорится, что «в связи с болезнью и переутомлением проф. Б. М. Козо-Полянского считать сроком вступления его в исполнение обязанностей декана 15 сентября. Времен[ное] исполн[ение] обязан[ностей] декана возложить на зам. декана тов. Руцкого» [21].

Кафедра низших растений

Владислава Ивановна, будучи штатным сотрудником Педагогического института, в 1932–1934 гг. работала совместителем в Воронежском университете.

28 сентября 1932 года В. И. Лащевская была назначена и. о. профессора по кафедре морфологии и систематики низших растений Ботанического отделения Воронежского университета [34]. А с 1 октября 1932 года руководством вуза было предложено одновременно представить ее на утверждение в должности и звании профессора.

Таким образом, в 1932 году В. И. Лащевская возглавила кафедру морфологии и систематики низших растений. Кафедра к 1934 году (последний год работы В. И. Лащевской в ВГУ) была одним из небольших структурных подразделений биологического факультета Воронежского государственного университета.

Для сравнения, на кафедре высших растений, которой в это время руководил Борис Михайлович Козо-Полянский, имелись

следующие учебно-вспомогательные подразделения:

- специальная аудитория для проведения лекций на 100 человек (с эпидиаскопом Лейтца и большим количеством таблиц и другого демонстрационного материала);

- специальная лаборатория для работ студентов с «оптикой» на 30 человек (оснащенная 30 микроскопами, 32 лупами, запасами сухого и мокрого материала для исследований);

- лаборатория для работы с книгами на 30 человек; фотолаборатория;

- музей эволюции растительного мира (более 1 тыс. монтированных объектов);

- библиотека (насчитывающая 3 тыс. томов русских и иностранных изданий);

- гербарий с местами для специальной работы (гербарий насчитывал до 100 тыс. листов);

- лаборатория для работы преподавателей (оснащенная 6 микроскопами и бинокулярными лупами).

По этой причине, несмотря на то, что кафедра низших растений располагала некоторыми коллекциями грибов и небольшим количеством приборов, основная работа осуществлялась на базе оборудования кафедры высших растений [36].

А заведующий кафедрой высших растений, профессор Борис Михайлович Козо-Полянский, при этом отмечал, что по ряду причин его кафедра в настоящее время является не только ведущей ботанической кафедрой Воронежского университета в течение многих лет, но и пока одной из трех ботанических кафедр, которой удалось создать самостоятельное учебно-вспомогательное учреждение и реализовавшей научно-исследовательскую работу.

Слабый уровень развития других кафедр Борис Михайлович объяснял тем, что они не раз закрывались (в период ликвидации физико-математического факультета) и обслуживались, как правило, сотрудниками из других научных центров (СХИ, Областная опытная станция) и лишь в последнее время начала налаживаться их работа силами университетской молодежи [20].

Отметим, что эти слова Б. М. Козо-Полянского очень точно характеризуют и кафедру низших растений, которой руководила Владислава Ивановна, совмещая это с основной работой по заведыванию кафедрой ботаники в Педагогическом институте.

Осенью 1934 года на основании личного заявления директор ВГУ А. Я. Норин освободил Владиславу Ивановну Лащевскую «от заведывания кафедры низших растений с I-го сентября с/г в виду перегрузки по основному месту работы» [12].

Глава 4

РАБОТА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Кафедра ботаники

Как мы отмечали выше, в 1931 году (в ходе очередной реорганизации вузов) из Воронежского университета был выделен педагогический факультет, который получил самостоятельный статус и стал Воронежским педагогическим институтом.

Одной из наиболее важных и сложных проблем, которую предстояло решить руководству нового самостоятельного педагогического института, был кадровый вопрос. Изначально педагогический коллектив института формировался за счет части сотрудников Воронежского университета [10].

Владислава Ивановна начала работать в Педагогическом институте с момента его отделения, где создала и возглавила кафедру ботаники. До защиты диссертации на степень доктора наук, в 1931–1941 гг., она была и. о. профессора, заведующей кафедрой в Педагогическом институте. Сама она этот период так описывает:

«В 1931–1932 учебном году была выделена дирекцией ВГУ организовать новую кафедру ботаники в Педагогическом институте, когда он выделился из педагогического факультета ВГУ в самостоятельный вуз; было поручено организовать кафедру заново, оставив все имущество в ВГУ» [22].

Некоторые преподаватели в этот период совмещали работу в университете и институте. Но вышедшее вскоре постановление ЦИК СССР о закреплении с 1 января 1933 года профессорско-преподавательского состава за вузами, практику совместительства запретило [10]. Впрочем, по-видимому, исполнение данного постановления растянулось на некоторое время, или же отдельные сотрудники, несмотря на закрепление их за одной организацией, получили разрешение еще какое-то время работать совместителями. Владислава Ивановна так описывает свою работу в это время:

В. И. Лашевская. 26 января 1940 г.
Фото из архива Музея истории ВГУ

«Одновременно с заведыванием кафедрой ботаники в качестве и. о. профессора в Педагогич. ин-те совмещала заведывание кафедрой низших растений в ВГУ, которая организовалась заново в 1932 году. 1932–1934 была и. о. профессора зав. кафедрой низших растений. 1930, сентябрь, штатный научный сотрудник 1-го разряда научно-исследовательского ин-та при ВГУ., зав. отделением морфогенеза, филогении, экологии и географии низших растений» [22].

В период с 1936 по 1939 год Владислава Ивановна проходила обучение в Вечернем Университете марксизма-ленинизма, где прослушала двухгодичный лекционный курс для научных работников [42].

В 1938 году Владиславе Ивановне без защиты диссертации Ученым советом Ленинградского университета была присуждена степень кандидата биологических наук [14].

На 1 сентября 1939 года в Воронежском педагогическом институте на руководимой В. И. Лашевской кафедре ботаники значится пять преподавателей. В довоенный период на кафедре, которую возглавляла Владислава Ивановна, работали Варвара Васильевна Быканова, Зинаида Алексеевна Смирнова, Абрам Романович Мешков и др. [10].

Война и эвакуация

22 июня 1941 года Воронежская область, как и остальные регионы Советского Союза, была объявлена на военном положении. Но жизнь не остановилась. В этот роковой год Владислава Ивановна защищает докторскую диссертацию. К самой защите она подошла еще годом раньше, но в итоге защищаться ей пришлось 20 октября 1941 года «при бомбежках города».

Про судьбу своей диссертации в эти годы Владислава Ивановна пишет, что при начавшихся бомбежках *«надо было спрятать один экземпляр диссертации на время войны. Вместе с директором библиотеки ВГУ спрятали 3 тома моей диссертации и альбом рисунков в главном здании ВГУ под толстенные сводчатые потолки, кажется надежно. В эвакуацию с собой взяла другой экземпляр. Но только первый том, второй том, альбом рисунков, а из 3-го тома взяла с собой ½ его. Оставила дома в Воронеже все описания препаратов»*.

И там же: *«Когда немецкие варвары двинулись в сторону Воронежа, была получена телеграмма Правительства от 16 октября 1941 года о переводе Пед. ин-та и Университета в Сталинск (Сибирь). Было уложено самое ценное в Пед. ин-те имущество, нужное для развертывания работы; в основном это были микроскопы, аппаратура, справочники. Но об[л]исполком эвакуировал людей спешно, без имущества, 27 октября 1941 г. в Алма-Ату. Ехали 2 месяца»* [22].

В мае 1942 года Владислава Ивановна была утверждена в ученой степени доктора биологических наук [11]. В период эвакуации В. И. Лащевская находилась в Казахстане. Там она продолжала работать по специальности. С 14 января 1942 года по 6 апреля 1944 года Владислава Ивановна работала старшим научным сотрудником и заведующим семенным отделом Алма-Атинского ботанического сада Академии наук Казахской ССР.

Возвращение из эвакуации и восстановление кафедры

В своих воспоминаниях Владислава Ивановна отмечает, что *«вернувшись в Воронеж, я не нашла всех своих книг, препаратов, квартира была пуста, а главное здание ВГУ не защитило моей диссертации, а само оказалось в развалинах...»*. И там же: *«С апреля 1944 года, когда возвратился в освобожденный Воронеж Пед. ин-т, вернулась восстанавливать кафедру ботаники, восстанавливала родной Воронеж»* [22].

27 апреля 1941 года В. И. Лащевская пишет на имя дирекции Педагогического института заявление с просьбой восстановить ее на прежней работе. Она снова возглавляет кафедру ботаники.

Это был тяжелый период восстановления города и вуза. Воронеж в годы войны пострадал очень сильно. Была разрушена большая часть жилых зданий. Город представлял собой настоящее пепелище. По этому поводу Владислава Ивановна пишет следующее:

«Когда мы вернулись из эвакуации, то увидели, что от города остались одни развалины, коробки домов без полов, без крыши. Для кафедры ботаники дали помещение в прежнем двухэтажном домике на проспекте Революции. В комнатах окна были заложены кирпичом, внутренних дверей не было. Холод.

На лекциях студенты сидели на ящиках из-под снарядов, а во многих аудиториях стояли, так как сесть было не на что. Полы настилали в зданиях сотрудники кафедр и студенты под руководством умельцев. Вместе со студентами восстанавливали общежития и главное здание немецкие пленные солдаты и наши рабочие (их было очень мало). Чтобы моих подшефных студентов не снимали поодиночке с занятий на работы по восстановлению, я пригласила им опытного штукатура для обучения. Вся группа студентов стала бригадой штукатуров, и ее брали на крупные восстановительные работы.

Во дворе валялись наши микроскопы. 30 микроскопов были без окуляров и без объективов и зеркал. Таблицы многие пропали, другие были разорваны, в грязи. Пришлось ехать к нашим шефам в педагогический институт в Ярославль за помощью.

Наши студенты не только восстанавливали здания: после занятий отправлялись в парк культуры и отдыха за топливом. Как цепочка муравьев, шли они согнувшись, неся на спинах большие палки, хворост, сухие деревца.

Студенты учились замечательно. Старались изо всех сил. Знали буквально все, что им говорилось на лекциях. Писали сту-

В. И. Лащевская.
25 июня 1948 г.
Фото из архива
Музея истории ВГУ

денты поперек, перпендикулярно строк книг или нот, которые добывали сами в городских развалинах. Чернила в бутылочках отогревали дыханием. Учебников не было.

Мои подшефные студенты жили в большой аудитории, где все окна были заложены кирпичом. На потолке слабо горела электрическая лампочка. Спали по двое на одной койке-раскладушке. Коек было 22, стояли они рядами от стенки до стенки аудитории. Студенты спали не раздеваясь. Под койками кто-то двигался. Я подумала: кошки. Оказалось, крысы. Кого-то укусила крыса ночью за щеку, у кого-то съела хлеб.

Для подъема духа, морального состояния, настроения предлагаю сходить в город посмотреть, где и что уже восстановлено, где светло, где тепло. Ходили в драмтеатр, в музыкальный театр. Многие студенты были из сельских районов, впервые попали в театры. Посещали музей изящных искусств. Надо было видеть радость студентов, любующихся картинами и мраморными статуями» [10].

В 1946–1947 учебном году штат преподавателей Воронежского педагогического института насчитывал 124 человека, из которых только четыре человека – профессора (П. Л. Загоровский, В. И. Лащевская, Н. И. Николюкин и И. П. Плотников). Осенью 1948 году на фоне борьбы с «врагами мичуринской биологии», развернувшейся после печально известной сессии ВАСХНИЛ, был освобожден от работы профессор Николай Иванович Николюкин (заведующий кафедрой зоологии). Профессоров в институте стало меньше [10].

За отличную организацию и высокое качество подготовки кадров народного образования, в связи с 15-летием существования государственного педагогического института, 28 мая 1946 года Владислава Ивановна была награждена значком «Отличник народного просвещения». А немногим позднее, 4 сентября 1946 года, была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

29 января 1949 года Высшая аттестационная комиссия при Министерстве Высшего образования СССР утвердила В. И. Лащевскую в ученое звание профессора по Воронежскому государственному педагогическому институту [13].

С сентября 1949 года по июль 1951 года Владислава Ивановна проходила очередные курсы лекций при Вечернем Университете марксизма-ленинизма [38].

В 1951–1952 учебном году штат кафедры, руководимой профессором В. И. Лащевской, претерпел некоторые изменения. Была сокращена одна штатная единица (старший преподаватель). В результате чего штат кафедры сократился до четырех человек.

В 1953 году Владислава Ивановна с коллегами совершила поездку в заповедник «Галичья гора». Ей хотелось посмотреть, как он изменился с ее первого посещения этого места. Вот как она описывает эту поездку:

«Ездил с Камышевым Н. С., Шаховой З. Д., Виноградовым Н. П. 12–13 IX. Как удобно ехать, станции чистые, пересадки нормальные, не сутками ждать поезда.

*Подали лошадей, нормальный экипаж, и здания аккуратные, где работаешь, жить можно, в комнате для приезжающих порядок. Музей имеется. Так изучать реликты цветковых растений и их грибы поражающие удобно, хоть весь год, хоть один сезон. Товарищ Голицын С. В. водил нас по знаменитым местам, товарищ Виноградов показывал заложенные посадки *Daphne julia*, пересаженные из Курской области.*

1-й секретарь Райкома Никифоров А. С. (кончал ВГУ) возил меня с тов. Голицыным С. В. на машине в далекие места с реликтами. Здесь научная работа налажена теперь культурно и транспорт удобен.

*“Гербовым” растением Северо-Донского реликтового района является *Potentilla tanaitica*, лапчатка донская. Поэтому все внимание обратила на ее внешний вид: она совершенно внешне здорова, цветет вторично обильно, не [то что] *Potentilla**

В. И. Лащевская. 1950 год.
Фото из архива
Музея истории ВГПУ

arenaria. Она массово больна, растения отцвели, листья сильно подсыхают: вся нижняя сторона листьев сплошь покрыта многочисленными черными кучками спор. Уредоспор не было.

Все же, с трудом удалось найти отдельные кучки спор ржавчины на листьях с нижней стороны на *Potentilla tanaitica*. Найдены, измерены, как положено, и даже размеры телейтоспор, размеры уредоспор. Написан диагноз *Phragmidium* sp. на *Potentilla tanaitica* Zing. Найден гриб на Галичьей Горе Водопьяновского района бывшей Орловской области, ныне – Липецкой области. 12–13 сентября 1953 года как на правом, так и на левом берегах Дона (однодневная экскурсия). Необходимы дальнейшие наблюдения в природе...»

И там же: Попутно отмечены грибы на Кузьмичевой траве – *Ephedra distachya* L. На листьях расположены пучки узловатых конидиеносцев *Cladosporium* sp. Такой же гриб был найден на листьях эфедры VII.1925 на Галичьей Горе и на стеблях в Воронеже 10 VI.1925» [22].

Выход на пенсию

В феврале 1957 года Владислава Ивановна просит дирекцию педагогического института освободить ее от должности заведующего кафедрой ботаники. Однако проходит время, а приказа, дающего права уйти на пенсию, все нет.

22 апреля 1957 года на 68-м году жизни от инфаркта миокарда скоропостижно умирает Борис Михайлович Козо-Полянский. Многие коллеги и ученики горячо и сочувственно отозвались на смерть выдающегося ботаника.

Профессор Н. С. Камышев, возглавивший осиротевшую кафедру морфологии и систематики растений в Воронежском университете, по этому поводу пишет: «В лице Бориса Михайловича советская страна потеряла талантливого педагога, блестящего лектора, видного общественного деятеля и одного из лидеров биологии и ботаники» [17].

Декан биолого-почвенного факультета ВГУ, профессор И. А. Руцкий в своих словах еще более эмоционален: «Б. М. Козо-Полянский, как яркая звезда, блистал на голубом небе науки,

привлекая взоры всех, кто бескорыстно и непритворно стремился к ней. Оставленное им научное наследство поистине не оценимо. По пути, проложенному Борисом Михайловичем в науке, пройдут поколения, отдавая дань уважения и почета его сверкающему таланту и благородному труду» [37].

Несмотря на то, что супруги жили порознь, смерть Бориса Михайловича, безусловно, была для Владиславы Ивановны тяжелым ударом. Она в очередной раз просит дирекцию института освободить ее от заведования кафедрой ботаники. В архиве Воронежского педагогического университета сохранилось это заявление, написанное 30 мая 1957 года и адресованное директору ВГПИ, доценту Л. Н. Талову:

«Прошу освободить меня от занимаемой мною должности зав. кафедрой ботаники с 17 июля 1957 г. в связи с переходом на пенсию. Прошу Вас об этом повторно. 6 февраля 1957 г. я просила Вас освободить меня с 7 марта, чтобы перейти на пенсию, но приказа об освобождении не последовало» [27].

И вновь окончательный выход на пенсию затягивается. Директор института в приказе от 4 июня 1957 года пишет:

«ЛАЩЕВСКУЮ Владиславу Ивановну, профессора, зав. кафедрой ботаники освободить от занимаемой должности, в связи с переходом на пенсию, с 11 августа с. г.» [27].

Далее, 18 октября 1957 года, следует служебная записка от директора ВГПИ Л. Н. Талова начальнику Главного управления высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР:

«Прошу освободить доктора биологических наук, профессора ЛАЩЕВСКУЮ Владиславу Ивановну от заведывания кафедрой ботаники в связи с переходом ее на пенсию с 1 сентября» [27].

В итоге лишь 13 декабря 1957 года выходит приказ по Главному управлению высших и средних педагогических учебных заведений, который позволяет окончательно уйти В. И. Лащевской на пенсию. В приказе значится два пункта:

«§ 1. Освободить профессора ЛАЩЕВСКУЮ В. И. от заведова-

ния кафедрой ботаники Воронежского педагогического института в связи с переходом на пенсию.

§ 2. Утвердить доктора сельскохозяйственных наук, профессора ЧВИЛЕВА Ивана Михайловича в должности заведующего кафедрой ботаники Воронежского педагогического института, с последующим занятием этой должности по конкурсу» [27].

Переписка В. И. Лащевской с Б. Н. Замятниным

После смерти супруга, Владислава Ивановна занялась вопросами, связанными с научным и эпистолярным наследием Бориса Михайловича Козо-Полянского. Архив ученого был передан в Ленинград в Ботанический институт Академии наук СССР. В этом вопросе ей помогал Б. Н. Замятнин¹⁷. По письмам от него мы можем судить не только о том, как происходили дальнейшие события, но и почерпнуть много важной информации о жизни В. И. Лащевской в эти годы. Письма от Б. Н. Замятнина впоследствии Владислава Ивановна передала на хранение в Музей истории ВГУ¹⁸. Всего сохранилось шесть писем.

Первое письмо:

«Ленинград. 15/VII 57

Глубокоуважаемая Владислава Ивановна!

Пользуюсь поводом, чтобы написать Вам. Сейчас случайно нашел карточку Оли с семейством, которую обещал прислать Нине и, посылая ее, сообщаю еще кое-что.

Как я Вам телеграфировал, рукописи я благополучно доставил в сейф дирекции БИН'а.

Рукопись “Предки цветковых растений” просмотрели Тахтоджян и я и решили ходатайствовать о напечатании ее отдельной брошюрой. Посылаем просьбу в Редакционно-Издательский Совет АН с просьбой включить ее в план издатель-

¹⁷ Замятнин Борис Николаевич (1900–1971). Советский ботаник-дендролог. Сотрудник Ботанического института АН СССР.

¹⁸ По этой причине мы считаем, что публикация этих писем не нарушает тайны переписки, а наоборот является исполнением воли В. И. Лащевской, которая, передав их в Музей истории ВГУ, хотела тем самым сделать их доступными для будущих поколений исследователей.

ства на этот год. Ее прямо можно сдавать в том же виде, в каком она есть. Но сейчас лето и все начальство отдыхают. На скорое разрешение не надеюсь, но в конце года, может быть, рукопись пойдет в печать.

С Филогенией труднее, ее еще не просматривали, и в каком она виде, потребует ли какой либо доработки или примечаний, пока сказать не могу. Сам я до нее тоже еще не добрался. Пока у меня еще идет горячка с работой в саду, и за день устаю так, что рад бываю, придя домой, сразу завалится в лёжку.

У нас стоит жара. Солнечно и сухо. Совсем не по-Ленинградски.

Что делается у Вас?

Разделались ли с квартирой?

Выполнил ли Камышев свое обещание по отправке материалов в Ленинград? (Мы пока еще не получили).

Оценили ли библиотеку и во сколько? Не требуются еще какие-либо справки для оценки?

Если что нужно пишите, и я постараюсь сделать, что возможно.

Правда у нас затишье и разъезд, но кто-нибудь всегда есть. Всего лучшего.

Привет Нине и Борису Павловичу. (где они сейчас?)

Б. Замятнин».

Второе письмо:

«Ленинград. 30/X 1957

Глубокоуважаемая Владислава Ивановна!

Сегодня я получил Ваше письмо: Спасибо.

Посылки с архивом Бориса Михайловича тоже на этих дня пришли в БИН, но мы их еще не разбирали.

Пропустить отдельным изданием в этом году статью Бориса Михайловича о предках покрытосеменных растений, по видимому, не удастся. Издательство очень загружено в связи с юбилеями, а редакционно-издательский совет просто не ответил на наше письмо.

Мы решили здесь, если не будет разрешено нам издать ее

отдельной книжкой, включить ее в собрание избранных сочинений Бориса Михайловича, которое, как Вы знаете, совет института постановил издать.

В сентябре мы просматривали все изданные работы Бориса Михайловича и отбирали то, что необходимо переиздать. Отобрали, предварительно, в общей сложности на 1200–1300 страниц. Одновременно отбирали для такого же издания работы Гросгейма и с трудом набрали на 360–400 страниц того, что можно переиздать (и то с натяжкой). Интересного, заслуживающего переиздания у Гросгейма, очень мало. Богато все фактическим материалом, имеющим местный интерес.

Я сейчас в отпуске. На днях поеду в Цхалтубо лечить свой ревматизм. По дороге заеду в Москву и буду говорить в “Рисо” по поводу издания работ Бориса Михайловича. Может быть, живая речь окажется действеннее писем, и можно будет ускорить дело.

В отношении учебника, ведь все мы согласились, что печатать его отдавать в то издательство, с которым Борис Михайлович договаривался. Это и записано в протоколе. А относительно подготовки к изданию: исправления названий и окончания рисунков предполагалось договориться с кем-то из его сотрудников. Я думаю, что лучше всего, если бы Вы сами возглавили это дело. Если с этим ничего не выйдет, то можно напечатать и без рисунков. Только дополнить исправление номенклатуры.

Филогения пока лежит в сейфе без движения. Я буду тормозить ее, когда вернусь из отпуска. Будем тогда просматривать ее с Тахтаджяном.

Что касается Вашего ухода на пенсию, то я Вас вполне понимаю. Даже здесь я иногда об этом подумываю (мне осталось до пенсии еще три года), а у нас обстановка несравненно приятнее. Впрочем, я совершенно не представляю себе, как можно жить, уйдя на пенсию. Я ведь и в отпуске не умею отдыхать не работая.

Карточка Оли с семейством, которую я послал Нине снята в прошлом году, когда они приезжали в Ленинград. Я писал Оле, и

она обещала послать Нине свои карточки, но, кажется, до сих пор обещания не исполнила.

Олин сын Сережа больше похож на отца, по крайней мере, своим носом, более длинным и острым, нежели картошистые носы у меня и у Оли.

Всего лучшего.

Привет всем членам Вашего семейства от мала до велика.

С искренним уважением Б. Замятнин».

Третье письмо:

«Ленинград. 28/XII 1957

Глубокоуважаемая Владислава Ивановна!

Разрешите поздравить Вас и всех членов Вашего семейства (Нину, Бориса Ивановича и Женю) с наступающим новым годом и пожелать Вам всем здоровья, счастья и всего-всего лучшего.

Попутно пользуюсь случаем сказать кое-что и о делах.

На днях мы приступили к просмотру рукописи Бориса Михайловича “Филогения”. Я пока успел просмотреть около половины. В основном все идет спокойно и большую часть можно будет попросту дать перепечатывать набело.

Но есть и некоторые неполадки. Прежде всего, нумерация страниц идет не подряд, а с перерывами. В некоторых местах, хотя нумерация прерывается, но по смыслу никакого пропуска нет, а иногда даже имеется перенос слова со страницы на страницу. Но в трех местах недостает страниц и по смыслу.

Так нет стр. 30 нумерации красным карандашом. На машинке нумерация идет подряд. По смыслу на этой странице должна находиться система Линнея (или словестное изложение или схема). Затем нет страниц 55–59 (красной нумерации – соответственно 42–46 машинописной). Здесь явный перерыв в изложении. По смыслу идет обсуждение системы Жюсье. Выпала часть обсуждения. Отсутствует страница 142 красной нумерации (135 машинописной). На стр. 141 (134) фраза обрывается на переносе (“Законы” филогении в большинстве своем созданы зо-). Нет страниц 149–151 (красных, соответственно 141–144 машинописной нумерации). Там идет обсуждение вопроса о кон-

вергенции, а после перерыва продолжение этого обсуждения по примерам Веттштейна об Euphrasia. Несколько предыдущих страниц обнаружены в виде закладки лентой бумаги.

Есть страницы, напечатанные в разное время и частично перекрывающие друг друга. Предисловие в двух вариантах и одно с посвящением Горянину, другое без него.

Не могли ли бы Вы с Ниной посмотреть в дублетном экземпляре страницы, которых нет здесь?

1) Стр 142 (135 машинописная)

2) стр 149–151 (141–144 машинописные)

Или может быть лучше, когда я просмотрю текст до конца и, может быть, найду еще какие-либо дефекты, сделать это сразу.

Пожалуй, лучше всего было бы для подготовки взять сюда и второй экземпляр. Как только мы начнем его перепечатывать на машинке, один экземпляр будем посылать Вам. А. Л. Тахтаджян будет смотреть рукопись сразу после меня, в течение первой половины января.

Ответа с разрешением на печатание избранных работ Бориса Михайловича из РИСО все еще нет. Павел Александрович, говорят, обещал узнать лично при поездке, но я не уверен, что он это успеет. В Москве его так трепят, что можно все забыть. На всякий случай напомнил об этом и нашему ученому секретарю, но она будет там лишь в январе.

В общем, здесь все эти дела двигаются, но как всегда со скрипом.

А как обстоит дело с окончанием подготовки к изданию учебника Бориса Михайловича? Взятся ли кто-либо его продолжить (Вернее не его, а подготовку)?

На днях здесь защищала докторскую диссертацию Роза Ефимовна Левина. Была представлена ее книга и машино-рукописный переработанный вариант диссертации. Защита прошла хорошо. Из 30 присутствовавших членов совета (необычно много!) 1 голосовал против, и 2 испортили бюллетени, не подчеркнув ни за, ни против. Очень хорошо, что не единогласно, так как практика показала, что единогласно-

прошедшие дольше маринуются в ВАК'е. Третьего дня она уехала в Ульяновск (не диссертация, конечно, а Роза Ефимовна).

Еще одно дело, вероятно для Вас не безынтересное. Из случайного разговора я узнал, что микологи из Института Леса выделяют какие-то грибы чуть ли не из каждого образца здоровой древесины.

Вам совершенно необходимо опубликовать Ваши [неразборчиво]. Иначе все это будет найдено эмпирически, по-скучному.

А сейчас Ваши работы могут натолкнуть людей на новые интересные эксперименты и послужить определенным компасом.

Очень советую не держать Ваших статей под спудом.

Собственно уже давно Вам незачем держать их в ящике. Давно надо публиковать. А если кто-либо начнет ругать их, то Вам то, что называется "начхать"! Пусть себе портят кровь и наливаются желчью. А свое дело статьи сделают и людям мысль подадут. А через год-два это уже пойдет по проторенной дорожке, а не по целине. Печатайте Владислава Ивановна!

Вот пока и все, что я хотел сказать Вам в заключение уходящего 1957-го года.

Буду признателен, если Вы мне напишите несколько слов.

С искренним уважением и наилучшими пожеланиями

Б. Замятнин».

Четвертое письмо:

«Ленинград. 1/II 1958

Глубокоуважаемая Владислава Ивановна!

Как я Вам уже сообщал в своем предыдущем письме, при просмотре рукописи Бориса Михайловича по филогении, мы выявили отсутствие некоторых страниц. При дальнейшем просмотре, во второй половине рукописи оказалось еще несколько таких пробелов. Так недостает страниц 422–431: классы типа *Bryophyta*. Насколько я знаю, над ними Борис Михайлович работал зимою 1956/57-го года, когда готовил соответствующие группы для учебника. Затем нет страниц 462–[неразборчиво] и там вложена бумажка с пометкой Бориса Михайловича "Взято

общее об [неразборчиво] в происх. цветковых”. Если эти страницы использованы для рукописи о предках цветковых, то мы можем содержание их восстановить по этой рукописи. Но может быть Борис Михайлович взял их для другой статьи или учебника.

Про отсутствие стр. 142 (136 машинописи) и стр. 149–151 (141–144 машинописные) я, кажется, Вам писал.

Для восстановления всех этих пробелов необходимо получить материал, собранный в пакет с надписью “2-й экземпляр Филогении”. Я думаю, что там найдутся большинство недостающих здесь страниц. Как только станет ясно, что главные пробелы можно восполнить, мы тотчас дадим материал для перепечатки на машинке и пошлем ходатайство о разрешении включить эту рукопись в издательский план.

Из иллюстраций мы с Арменом Леоновичем решили поместить только схемы родословных деревьев, которые упоминает Борис Михайлович, и некоторые портреты. По-видимому, Борис Михайлович ничего другого и не предполагал здесь иллюстрировать...

<p>[страницы 4–5 письма утрачены или намеренно не были переданы в Музей истории ВГУ]</p>
--

...то я начну давать на машинку начало рукописи, даже не дожидаясь получения от Вас самой посылки.

Если в этих материалах не найдется соответствующих страниц, то нам надо будет восстанавливать содержание недостающих мест, пользуясь другими работами и рукописью учебника. А это может задержать издание, так как, не будучи уверенными в возможности быстро заполнить пробелы, мы не можем ходатайствовать о включении, хотя бы редакционной подготовки этой рукописи в план издательства на этот год.

Очень прошу дать мне ответ по этому поводу, по возможности не задерживаясь очень долго.

Привет и наилучшие пожелания Нине, Борису Ивановичу и Жене.

С искренним уважением Б. Замятнин».

Пятое письмо:

«Ленинград. 14-1-62

Глубокоуважаемая Владислава Ивановна!

Я рад был получить от вас весточку. Как то незаметно заглохла наша переписка. Время летит совершенно незаметно, за текущими заботами забываешь о всем. Здесь эти годы появлялись то С. В. Голицын, то Н. С. Камышев, но ни тот ни другой не сказали мне, что у вас есть не только внучка Женя, но и внук Витя. “От двух до пяти” ребятишки занятнее всего. Рад за Вас и за Нину, что Женя учится хорошо. Блестящих способностей от нее можно было ожидать, изучая ее, не очень отдаленных предков. А вот сочетать способности с трудолюбием ее должны научить родители. Надеюсь, что бабушка, вопреки всем обычаям, в данном случае не является “вредным элементом”. Ведь бабушки, умеющие правильно влиять на внуков, чрезвычайно большая редкость. Весьма одобряю Ваши пароходные путешествия. К этому способу отдыха прибегают теперь многие и с успехом. Мне, в силу разных причин, поступить таким образом не удастся.

В прошлом году мы с А. Л. Тахтаджяном опять поднимали вопрос об издании в 1963 г. избранных трудов Бориса Михайловича, но в Редакционно-Издательском Совете Академии вычеркнули эту заявку без всяких разговоров. А БИН’у вообще сократили листаж в два раза по сравнению с предыдущим годом. “Труды” как форма информации бракуется. Торгашеский подход к издательству требует печатать только то, что расходится сразу и дает барыш. Во что все это выльется, не знаю. Жулики от науки все более процветают. Вся шваль, которая прежде шла в торговлю и подряды или вертелась вокруг судов и юридических споров, поскольку эти дела стали менее выгодными или рискованными, полезла теперь в науку, где обманывать проще и за жульничество нет риска попасть под суд.

Я много болею, причем не вижу выхода. Объяснениям врачей не доверяю (кроме сопутствующих явлений объясняемых возрастом). Уйти на пенсию пока не могу т. к. некому передать

свою работу. Хочу попытаться весной попасть в Воронеж, но удастся ли, не знаю.

Всего лучшего. Привет всем членам Вашего многочисленного семейства.

Б. Замятнин».

Шестое письмо:

«Ленинград. 2-1-64

Глубокоуважаемая Владислава Ивановна!

В канун Нового года я узнал, что нам разрешили на 1964-й год сборник избранных работ Бориса Михайловича, но всего на 20 печатных листов. Попытка поторговаться не увенчалась успехом. Надо будет отбирать жестко то, что наиболее интересно с теоретической точки зрения.

Между прочим, по поводу Вашего стремления уничтожить свои рукописи и высказывания, что их не напечатают, поскольку и Бориса Михайловича не печатают, могу сказать, что это отнюдь не серьезный мотив.

Прежде всего, Вы как автор можете изложить свои воззрения с иллюстрацией наиболее интересными фактами в виде статьи, или ряда статей, в объеме допустимом для публикации в журнале. А после Бориса Михайловича остались недоконченные рукописи большого объема.

Если бы Вы сама приняли непосредственное участие в подготовке учебника, я думаю, он был бы уже напечатан.

Александра Ивановна милейший человек и товарищ, но во-первых, она загружена работой и своей диссертацией, которую она не может никак закончить, а во-вторых, она не обладает достаточной решительностью, чтобы заставить работать других.

Что касается “Филогении”, то, как Вы знаете рукопись с купюрами в самых ответственных местах, очень большого объема и вообще в таком состоянии, что сам Борис Михайлович ее без переработки не хотел печатать. К слову сказать, в законе о наследовании авторского права есть оговорка воспрещающая

наследникам печатать рукописи, о которых известно, что сам автор не хотел их публиковать.

Мы обсуждали здесь вопрос о том, чтобы опубликовать выдержки из этой работы. Но именно самое интересное, что стоило опубликовать в виде выдержек, из работы Борис Михайлович изъясил. О голосеменных, по-видимому, для учебника, о покрытосеменных или для той же цели или для какой-нибудь статьи, которой мы не нашли.

Статья о предках покрытосеменных могла-бы пройти в соответствующем сборнике, но таких тематических сборников эти годы не было, а для журнала она слишком велика.

Когда мы наметим содержание «избранных сочинений», я Вам напишу.

Что же касается Ваших работ, я считаю, что Вы должны опубликовать основные выводы и наиболее интересные факты. В свое время я по этому поводу и писал и говорил с Вами. Мне просто непонятно почему Вы не публикуете свои материалы.

В отношении рукописи “Филогении” мне кажется, что ее следует переплести и передать или в рукописный отдел Библиотеки Академии Наук или в архив Академии Наук. Опубликовать же об этой рукописи можно только реферат.

Если я буду более или менее здоров, то я постараюсь побывать в Воронеже и, может быть, съездить “на прощание” в Заячий или другое место, где растет и цветет дафна.

Передайте мой привет Нине, Борису Николаевичу и ребятишкам.

Всего лучшего.

Б. Замятнин».

НАСЛЕДИЕ В. И. ЛАЩЕВСКОЙ

(вместо заключения)

Владислава Ивановна Лащевская вместе с Борисом Михайловичем Козо-Полянским стояли у истоков зарождения воронежской научной школы по ботанике. Долгие годы она заведовала кафедрой ботаники в Воронежском педагогическом институте. Несколько лет возглавляла кафедру низших растений в Воронежском университете.

Всю свою жизнь В. И. Лащевская оставалась беспартийной. При этом ее неоднократно избирали депутатом городского совета (в 1934–1939 и 1947–1957 гг.). За свою педагогическую и научную работу Владислава Ивановна была отмечена различными грамотами и благодарственными письмами. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 октября 1953 года В. И. Лащевская была награждена орденом Ленина.

За годы работы в Воронежском педагогическом институте под руководством профессора В. И. Лащевской было подготовлено несколько диссертационных работ на получение ученой степени кандидата биологических наук:

– Чистикина Ф. И. «К вопросу о происхождении цистолитов (в связи с вопросами микотрофии культурных растений)», 1953 год.

– Рубцова И. А. «К вопросу о развитии микоризы некоторых злаковых культур в условиях Воронежской области», 1956 год.

– Шелонина И. М. «Развитие микоризы кукурузы в условиях Воронежской области в связи с некоторыми приемами агротехники», 1959 год.

– Михайленко М. А. «Структурные особенности вегетативных органов томатов», 1966.

В. И. Лащевская

Владислава Ивановна прожила долгую и насыщенную событиями жизнь. Умерла она 31 мая 1984 года, не дожив несколько месяцев до своего девяностолетия, и была похоронена на Юго-Западном кладбище г. Воронежа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Акинъшин А. Н.* Воронежские корни семьи Ростроповичей / А. Н. Акинъшин // Из истории Воронежского края: сборник ст. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2001. – Вып. 9. – С. 78–90.

2. *Акинъшин А. Н.* Воронежский некрополь. Лютеранские и католические захоронения на Вознесенском (Чугуновском) кладбище / А. Н. Акинъшин. – СПб.: ВИРД, 2002. – Вып. 2. – 191 с. (Российский некрополь, вып. 13.).

3. *Акинъшин А. Н.* Воронежские Ростроповичи / А. Н. Акинъшин. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. – 351 с.

4. *Акинъшин А.* Первые педагоги Воронежского университета. Архивная мозаика / А. Акинъшин // Университетская площадь. – 2018. – № 10. – С. 22–30.

5. *Акинъшин А. Н.* Записки старого пешехода / А. Н. Акинъшин, О. Ласунский. – Воронеж: МП «Петровский сквер, 1995. – 352 с.

6. *Аксёненко Е. В.* Николай Иванович Николюкин (штрихи к биографии выдающегося ихтиолога) / Е. В. Аксёненко, С. П. Гапонов // Состояние и проблемы экосистем среднерусской лесостепи: тр. биол. учеб.-науч. центра Воронеж. гос. ун-та «Веневитиново». – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – Вып. 30. – С. 221–232.

7. *Барабаш-Никифоров И. И.* Из истории Воронежского общества естествоиспытателей / И. И. Барабаш-Никифоров // Бюллетень общества естествоиспытателей при Воронежском государственном университете. – 1949. – Т. 6. – С. 5–12.

8. *Бахтин В. В.* Становление и научно-исследовательская деятельность Воронежского общества естествоиспытателей (1918–1930-е гг.) / В. В. Бахтин // Вопросы истории естествознания и техники. – 2016. – Т. 37, № 4. – С. 780–805.

9. *Борисов Д. А.* Крестьянский командир Иван Колесников: его жизнь и деятельность / Д. А. Борисов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2010. – № 2. – С. 66–71.

10. Воронежский государственный педагогический университет: время, события, люди. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2006. – 456 с.

11. Выписка (копия) из протокола № 11 от 16 мая 1942 г. Об утверждении В. И. Лащевской в ученой степени доктора биологических наук на основании защиты 20/X-41 г. при Совете Воронежского Государственного Университета. Архив Музея истории ВГУ.

12. Выписка из приказа № 300 по Воронежскому Государственному Университету от 29.IX.1934 года. Архив Музея истории ВГУ.

13. Выписка из протокола № 2 от 29 января 1949 г. Об утверждении В. И. Лащевской в ученом звании профессора (Воронежский государственный педагогический институт). 7 марта 1946 г. Архив Музея истории ВГУ.

14. Выписка из протокола № 7/18 от июня месяца 22 дня, 1938 года заседания Ученого Совета Ленинградского Государственного Университета. Об утверждении В. И. Лащевской в ученой степени кандидата биологических наук без защиты диссертации. Архив Музея истории ВГУ.

15. Доклад университета // Воронежская коммуна. – 1927. – № 58 (2195). 11 марта 1927 г. (по материалам ГАВО)

16. История возникновения Научно-Исследовательского Института при В.Г.У. и отчет о деятельности его в течение первого года существования // Труды Научно-Исследовательского Института при Воронежском Государственном Университете. – 1927. – № 1. – С. 134–146.

17. *Камышев Н. С.* Борис Михайлович Козо-Полянский / Н. С. Камышев // Ботанический журнал. – 1957. – Т. 42, № 10. – С. 1530–1535.

18. *Карпачев М. Д.* Воронежский университет: вехи истории. 1918–2013 / М. Д. Карпачев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 560 с.

19. *Козо-Полянский Б. М.* К флоре верховьев реки Оскола / Б. М. Козо-Полянский // Труды Научно-исследовательского института при Воронежском государственном университете. – 1927. – № 1. – С. 97–110.

20. *Козо-Полянский Б. М.* Кафедра ботаники / Б. М. Козо-Полянский // Пятнадцать лет Воронежского государственного

университета. – Воронеж: Книгоиздательство «Коммуна», 1934. – С. 57–62.

21. Красный университет. 1933. № 16 (156), 31 мая 1933 г.

22. *Лащевская В. И.* Автобиография. Архив Музея истории ВГУ. МИУ-1782. Ф2.

23. *Лащевская В. И.* О лиановом строении подземного стебля *Daphne Julia* K-Pol. (Предварит. сообщение) / В. И. Лащевская // Бюлл. ВОЕ ВГУ. – 1925(а). – Т. 1, вып. 1. – С. 27–36.

24. *Лащевская В. И.* О плодовой чешуе хвойных / В. И. Лащевская // Труды Воронежского государственного университета. – 1925(б). – Т. 2, вып. 2. – С. 225–248.

25. *Лащевская В. И.* К вопросу о происхождении флоры Курско-Орловского плато. *Puccinia Drabae* Rud. на *Schivereckia podolica* (Bess.) Andrz. / В. И. Лащевская // Труды Научно-исследовательского института при Воронежском государственном университете. – 1927(а). – № 1. – С. 74–96.

26. *Лащевская В. И.* Эфедра (кузьмичева трава) под Воронежем / В. И. Лащевская // Краев. сб., 1927(б). – 4. – С. 65–70.

27. Личное дело В. И. Лащевской. 1931–1951 гг. // Архив Воронежского государственного педагогического университета.

28. *Николюкин А. Н.* Журнал для себя (Воронеж – Киев. 1942 год) / А. Н. Николюкин // О русской литературе: Теория и история. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – С. 434–521.

29. Оттиск газеты без указания выходных данных. Архив Музея истории ВГУ. МИУ-1794. Ф2.

30. Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 годъ / [под ред. Н. И. Второва]. – Воронежъ: Типографія Губернскаго Правленія, 1856. Отд. II. Воронежскіе адреса. – С. 24.

31. Памятная книжка Воронежской губернии. 1861 годъ. – Воронежъ: Типографія В. Гольдштейна, 1861. – С. 298.

32. Памятная книжка Воронежской губернии. 1904 г. / [под ред. Д. Г. Тюменева]. – Воронежъ: Типо-литографія Губернскаго Правленія, 1904. Отд. I. Справочный. – С. 96.

33. *Попов П. А.* Немецкая фамилия Столь в Воронеже / П. А. Попов // Русская провинция. – Воронеж, Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1995. – Вып. 2. – С. 309–327.

34. Приказ № 1304 (копия) По Воронежскому Государственному Университету от 28.IX.32 г. О назначении В. И. Лащевской и. о. профессора по кафедре морфологии и систематике низших

растений Ботанического отделения ВГУ. Архив Музея истории ВГУ.

35. Рожденный революцией: документы, воспоминания. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1988. – 448 с.

36. *Руцкий И. А.* Биологический факультет / И. А. Руцкий // Пятнадцать лет Воронежского государственного университета. – Воронеж: Книгоиздательство «Коммуна», 1934. – С. 102–104.

37. *Руцкий И. А.* Светлой памяти профессора Бориса Михайловича Козо-Полянского / И. А. Руцкий // Бюллетень Воронежского общества естествоиспытателей при Воронежском государственном университете. – 1959. – Т. 11. – С. 5–11.

38. Свидетельство № 1386. Об окончании Вечернего Университета марксизма-ленинизма с двухгодичным сроком обучения. Архив Музея истории ВГУ. МИУ-1786. Ф2.

39. *Сент-Илер К. К.* Юрьев – Воронеж / К. К. Сент-Илер // Пятнадцать лет Воронежского государственного университета. – Воронеж: Книгоиздательство «Коммуна», 1934. – С. 31–36.

40. *Скуфьин К. В.* Константин Карлович Сент-Илер / К. В. Скуфьин. – Воронеж: Издат.-полиграф. Центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 158 с.

41. *Сушкевич А. К.* Научные работники Воронежа: справочник / А. К. Сушкевич. – Воронеж: Издание Воронежской Секции Научных Работников, 1927. – 32 с.

42. Удостоверение. Воронежский Областной Комитет Союза Работников Высшей школы и Научно-Исследовательских Учреждений. 15/IV.1941 № 51. Архив Музея истории ВГУ.

43. Удостоверение. Дубликат. 28 февраля 1922 г. № 312. Об окончании физико-математического факультета Воронежского Университета. Архив Музея истории ВГУ.

44. *Цеханович В. Н.* Мои воспоминания об университете (довоенный период). 5 апреля 1968 г. Из архива Музея истории ВГУ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Глава 1. СЕМЬЯ И ДЕТСКИЕ ГОДЫ.....	5
Глава 2. ЮНОСТЬ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ.....	11
Глава 3. РАБОТА В ВОРОНЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.....	16
Переписка В. И. Лацевской с английским палеоботаником Д. Г. Скоттом.....	16
Работа в Научно-исследовательском институте при Воронежском университете.....	23
Экспедиционная работа.....	25
Работа на педагогическом факультете ВГУ.....	31
Кафедра низших растений.....	33
Глава 4. РАБОТА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ.....	36
Кафедра ботаники	36
Война и эвакуация.....	37
Возвращение из эвакуации и восстановление кафедры.....	38
Выход на пенсию.....	42
Переписка В. И. Лацевской с Б. Н. Замятниным.....	44
НАСЛЕДИЕ В. И. ЛАЦЕВСКОЙ (вместо заключения).....	54
БИБЛИОГРАФИЯ.....	56

Научное издание

**Евгений Васильевич Аксёненко
Владимир Александрович Агафонов
Владимир Викторович Негробов**

**ЛАЩЕВСКАЯ ВЛАДИСЛАВА ИВАНОВНА
(ИЗ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ БОТАНИКИ)**

Монография

Компьютерная верстка и дизайн обложки *Е.В. Аксёненко*

Подписано в печать 01.12.2021 г.
Формат 60x84/16. Объем 3,7 п. л.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ № 1440.

Издательство ООО «Цифровая полиграфия»
394036, г. Воронеж, ул. Куколкина, д. 6.
Тел.: (473) 261-03-61, e-mail: zakaz@print36.ru
<http://www.print36.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Цифровая полиграфия»
394036, г. Воронеж, ул. Куколкина, д. 6.

